

ИГОРЬ СУХИХ

Филолог, историк русской литературы

ЧТО ОСТАЁТСЯ ПОТОМ? «Русский альманах»: тридцать лет спустя

И вот я держу в руках, листаю этот большой — почти пятьсот страниц — том, изящно и строго оформленный Сергеем Голлербахом. «Русский альманах», 1981, Париж — на обложке. Треугольник составителей — Зинаида Шаховская, Ренэ Герра, Евгений Терновский — на титуле, на контртитule повторённый по-французски.

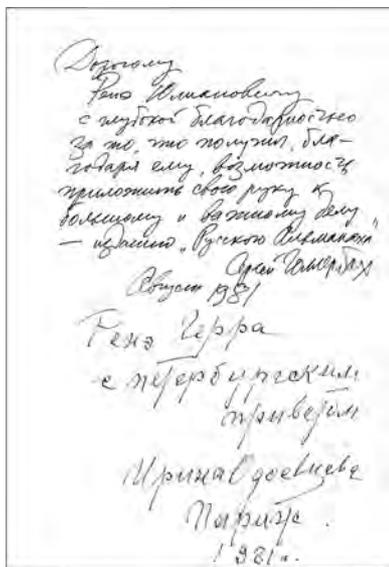
А дальше... Проза Андрея Белого, Марины Цветаевой. Стихи Николая Гумилёва, обоих Ивановых, Ирины Одоевцевой, Юрия Иваска. Статьи Сергея Лифаря и того же Иваска. Мемуарные и архивные публикации Николая Бердяева, В. Вейдле, опять Одоевцевой (фрагмент о Бунине из книги «На берегах Сены»), Бориса Пастернака.

Но здесь не только Серебряный век и окрестности. Статья Марка Раева «Царствование Николая I в современной историографии», письма Салтыкова-Щедрина и Л. Толстого. Присутствуют даже Наполеон и генерал де Голль (маленькими письмами).

Представляю, каковы были бы мои (да и любого другого интересующего русской культурой человека) чувства, если бы эта книга попала в руки в начале 1980-х.

В альманахе представлены также стихи и проза современников, но не они делают погоду. Он воспринимается прежде всего как коллективное высказывание эмигрантов первой волны, очередной фрагментарный портрет русской литературы в изгнании.

Важные слова, в которых сочетаются трезвость, горечь и гордость, произнёс Б.К. Зайцев (взятое в 1970 году Ренэ Герра интервью публикуется в альманахе уже после его ухода, к столетию писателя). Зайцев разъясняет своё понимание предложенной Георгием Адамовичем дилеммы одиночества и свободы: «Мне трудно оценивать вклад эмиграции в русскую литературу, потому что я сам частица этой эмиграции. Всё-таки могу сказать: что могли, то и сделали. У нас оказалось великое преимущество свободы,

Надписи С. Голлербаха и И. Одовецкой на Русском альманахе

но и великая грусть отрыва от родины <...>. Кичиться нам нечем. Жизнь наша здесь была нелегка, но никогда не приходилось гнуть голову ни перед кем. Какие были, такие и остались, — впрочем, осталось нас весьма мало. Это ничего не значит. За грехи наши понесли известное возмездие — надо принять это, как спокойно примириться и с участью своею. И всё-таки самый факт нашего существования говорит, что не все склонили головы перед силой. Горсть осталась».

Прошло тридцать лет. Сегодня авторов и создателей осталось уже меньше горсти. «Русский альманах» превратился в литературный памятник ушедшей эпохе. Точнее — нескольким эпохам.

Правда вроде бы победила, духовное возвращение на родину Бориса Зайцева и других состоялось.

Профессор Ренэ Герра читает лекции, пишет книги, много выступает и издаётся в России. Я видел, как он листал альманах, комментируя едва ли не каждую публикацию, будто это было вчера...

Кичиться, однако, не стоит и сегодня. История русской литературы как целого — поверх барьеров — пока не написана и остаётся очень далёкой целью.

Ещё печальней другое. Опыт одиночества и свободы приходится сегодня осваивать не только парижским изгнанникам, но и людям, посвятившим себя русской культуре и живущим где-нибудь в Казахстане, Эстонии, родном для Зайцева Орле или даже Петербурге.

На обороте титула «Русского альманаха» обозначен тираж: 1000 экземпляров, причём 105 из них — не для продажи. Тираж альманаха, для которого я пишу эту запоздалую рецензию, такой же — 1000 экземпляров.

Ответ на вопрос «зачем?» я нашёл в воспоминаниях Николая Андреева «О русской литературной Праге»: «Русская Прага как бы непрерывно, во всех поколениях осуществляла лозунг единства культуры, борьбы за неё, за её национальную подлинность.

Позволяю себе подчеркнуть исторически красноречивый факт, что, когда в 1944 и в начале 1945 годов Прага была затоплена волнами беженцев с востока, немедленно находилось полное взаимное понимание именно в приятии этого принципа: — Смена поколений — единство культуры. <...>

И для меня этот мотив не заглох даже в бериевских лагерях, куда я попал 23 мая 1945 года».

Андрееву повезло: после двухлетнего заключения в Праге и Восточной Германии он был освобождён, получил приглашение из Англии и ещё

много лет занимался русской историей и литературой. Он умер на следующий год после издания «Русского альманаха». Его неоконченные мемуары теперь опубликованы и в России.

«Что остаётся от сказки потом, после того как её рассказали?» — спел когда-то Владимир Высоцкий.

Что остаётся от книги, в нашем случае историко-литературного альманаха?

Не только опубликованные материалы, которые потом не раз перепечатывались, анализировались, использовались в разных контекстах. Ещё — сигнальный огонёк традиции, память о работе, которая — в совершенно иных условиях — должна быть продолжена и продолжается.

Как бы ухитриться сделать описанную Андреевым русскую Прагу русской Россией!

* * *

РЕНЭ ГЕРРА

Филолог-славист, коллекционер

ИНТЕРВЬЮ С Б. К. ЗАЙЦЕВЫМ («Русский альманах», 1981 г.)

Это интервью подготовлено было нами в декабре 1970 года для французского телеканала О. Р. Т. Ф. в рамках серии «Архив XX века». Я составил для этой телепередачи опросник, а Б. К. Зайцев, чтобы лучше подготовиться к выступлению, решил ответить сначала письменно на все мои вопросы. Ответы его я перевёл на французский язык, и этим переводом он отчасти воспользовался во время телесъёмки. Русский текст его ответов остался в моём архиве неопубликованным и печатается впервые с небольшими сокращениями.

— Вы родились, Борис Константинович, в Орле 29 января 1881 года. Детство провели в русской деревне конца XIX века, и молодость Ваша прошла в стране, подвергнувшейся неимоверным потрясениям, которые теперь принадлежат истории. Страна эта, которая так Вам дорога, что Вы как бы носите её в себе, которая на протяжении всего Вашего творческого пути является единственной темой, явной или тайной, — страну эту Вам пришлось покинуть вот уже 48 лет тому назад. Вы разделили судьбу миллиона русских эмигрантов, и Вы продолжали творить с чувством, будто бы Вы подчиняетесь исторической необходимости.

Сегодня Вы могли бы воскликнуть торжествующе с тем же чувством, которому французский поэт Сен-Жон Перс дал окончательную и лапидарную форму «Grand Age? nous voici!»¹ Ваш взор охватывает

¹ «Вот и мы, глубокая старость» (франц).